

Инфантьев Порфирий Павлович

"Кресты"

Из личных воспоминаний

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П60

П60 **Порфирий Павлович И.**
"Кресты": Из личных воспоминаний / Инфантьев Порфирий Павлович – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 127 с.

ISBN 978-5-519-87120-4

ISBN 978-5-519-87120-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

тяжелой работы: она будетъ мнѣ вмѣсто гимнастики. По крайней мѣрѣ, здоровье свое укрѣплю.

— Ну, смотрите, не ошибитесь, — предостерегали меня.

Дѣло происходило осенью 1890 года. Въ то время с.-петербургская одиночная тюрьма существовала всего еще первое десятилѣтіе.

Наше правительство, желая показать передъ всѣмъ міромъ, что оно не хочетъ отставать отъ Запада въ проведеніи человѣколюбивыхъ начинаній, рѣшило ввести и у насъ, въ Россіи, такіе же тюремные порядки, какіе существовали и тамъ. А по ихъ порядкамъ, выработаннымъ постановленіями всемірныхъ тюремныхъ съѣздовъ, тюрьма должна была служить не однимъ только орудіемъ наказанія преступниковъ, но, главнымъ образомъ, ихъ исправленія. С.-петербургская одиночная тюрьма была первой въ Россіи, построенной по образцу западныхъ тюремъ и, находясь въ непосредственномъ завѣдываніи главнаго тюремнаго управленія, она составляла, — да, впрочемъ, и теперь еще составляетъ, — гордость нашего тюремнаго міра. Прежде чѣмъ попасть въ эту тюрьму, мнѣ, дѣйствительно, приходилось читать о ней много самыхъ лестныхъ отзывовъ, печатавшихся на основаніи отчетовъ, доставляемыхъ начальствомъ этой тюрьмы. Судя по этимъ отчетамъ, это была не тюрьма, а скорѣе прекрасно устроенный исправительный рабочій домъ, гдѣ на ряду съ мягкимъ, (человѣчнымъ) обращеніемъ арестованныхъ обучали разнымъ ремесламъ, при чемъ каждый заключенный, находясь въ одной ночной камерѣ, былъ, такимъ образомъ, огражденъ отъ возможнаго вреднаго вліянія преступныхъ лицъ и по выходѣ изъ тюрьмы, приобрѣвъ

въ ней знаніе какого-либо ремесла, исправлялся и становился полезнымъ членомъ общества.

Сравнивая эту тюрьму и ея порядки, рисовавшіеся моему воображенію на основаніи читанныхъ мною о ней отзывовъ съ порядками тѣхъ провинціальныхъ тюремъ, въ которыхъ мнѣ приходилось проживать по нѣскольکو дней, а иногда и недѣль, во время препровожденія меня по этапу изъ-за Урала до Петербурга, я никакъ не могъ понять того чуть не ужаса, съ которымъ мнѣ говорили объ этой тюрьмѣ побывавшіе въ ней уголовные арестанты, и объяснялъ себѣ это просто-напросто отвращеніемъ ихъ отъ всякаго правильного труда и привычкой къ праздности и бездѣльничанью.

Однако воспоминанія объ ихъ предостереженіяхъ невольно лѣзли мнѣ въ голову, когда, по прибытіи въ Петербургъ, меня везъ въ закрытой каретѣ съ Николаевского вокзала на Выборгскую сторону вооруженный револьверомъ и пашкою конвойный, посланный за мною изъ этой тюрьмы.

Изъ дома предварительнаго заключенія меня много разъ возили на допросы въ закрытой каретѣ съ двумя жандармами, при чемъ одинъ изъ нихъ усаживался рядомъ со мной, а другой помѣщался напротивъ. При такихъ поѣздкахъ я обыкновенно упорно смотрѣлъ въ глаза садившемуся противъ меня жандарму, и почти каждый изъ нихъ всегда опускалъ свои глаза или отводилъ ихъ въ сторону отъ моихъ, какъ бы чувствуя себя передо мною въ чемъ-то неправымъ. Но на этотъ разъ, взглянувъ въ глаза сидѣвшему напротивъ меня конвойному, я встрѣтился съ такимъ твердымъ и нагло-шельмую-

щимъ взглядомъ, что меня невольно покорило. Въ его взглядѣ сквозило явное презрѣніе ко мнѣ, какъ къ несомнѣнному преступнику. Такъ всю дорогу отъ Николаевского вокзала до самой тюрьмы мы ѣхали, сидя другъ противъ друга и пронизывая одинъ другого враждебными взглядами: одинъ — убѣжденный въ томъ, что онъ везетъ осужденнаго уже *по закону*, стало-быть очевиднаго преступника, съ которымъ церемониться нечего, другой — въ сознаніи своей правоты. Разумѣется, за всю дорогу мы не сказали другъ съ другомъ ни слова.

Но вотъ карета остановилась. Мой провожатый приказалъ мнѣ выходить, и мы вскорѣ очутились въ тюремной пріемной, гдѣ отдѣленные длинными широкими прилавками сидѣли за столами и что-то писали разные тюремные чиновники и сновали пріемщики и надзиратели, вооруженные торчавшими у каждаго на боку револьверами.

Прежде всего мнѣ бросилось въ глаза, что на лицахъ всѣхъ находившихся здѣсь чиновниковъ и надзирателей не было замѣтно ни одной улыбки. даже когда они разговаривали между собой, — всѣ были казенно сухи, строги, какъ-то напряженно и необычайно дѣловиты и какъ бы чѣмъ-то страшно озлоблены.

Сразу же чувствовалось, что за порогомъ этой тюрьмы начинается какой-то другой міръ, совершенно отличный отъ наружнаго.

Мой конвоиръ, оставивъ меня стоять передъ прилавкомъ, пошелъ доложить обо мнѣ одному изъ помощниковъ начальника тюрьмы, и вскорѣ передо мной появился съ печатнымъ бланкомъ и перомъ въ рукахъ средняго роста, сухощавый, съ черной большой бородой и сѣрыми холодными глазами

господинъ въ вицмундирѣ и, обратясь ко мнѣ, отрывисто назвалъ мою фамилію.

— Это я,—отвѣтилъ я.

— Собственная одежда есть, и зимняя и лѣтняя?—спросилъ онъ.

— Только та, что на мнѣ. Я не успѣлъ захватить другой, такъ какъ былъ арестованъ въ томъ, въ чемъ былъ.

— Мнѣ не нужно знать, въ чемъ вы были арестованы,—сухо замѣтилъ помощникъ.— Нѣтъ полного комплекта своей одежды, будете ходить въ казенной.

— Но я могу написать, и мнѣ вышлютъ.

— Когда вышлютъ, тогда надѣнете свою, а теперь будете ходить въ казенной,—повторилъ онъ тономъ, не допускавшимъ возраженій.

— Но...

— Безъ всякихъ „но“. Отвѣчайте то, о чемъ васъ спрашиваютъ. Есть родные?

— Здѣсь, въ Петербургѣ,—нѣтъ.

— Мнѣ не нужно знать, есть ли здѣсь, а есть ли вообще родные, и какъ ихъ адресъ?

Я молчалъ, не понимая, для чего ему нужно это знать.

— Намъ это нужно, чтобы въ случаѣ чего мы могли ихъ извѣстить,—пояснилъ онъ, видя, что я смотрю на него вопросительно.

Я отвѣтилъ.

Ни гнѣва ни негодованія, столь естественныхъ при подобномъ обращеніи, у меня не было. За послѣднее время я насмотрѣлся всего и привыкъ ко многому. Я только думалъ про себя, съ любопытствомъ рассматривая этого человѣка: „Зачѣмъ онъ такъ грубъ? Развѣ я его чѣмъ-либо обидѣлъ?“

Къ чему эти окрики? Неужели все это полагается и входить въ порядок исправленія поступающихъ сюда преступниковъ? “

Задавъ еще нѣсколько вопросовъ и внеся мои отвѣты въ печатный бланкъ, помощникъ приказалъ надзирателю увести меня. Тотъ ввелъ меня въ какое-то помѣщеніе, гдѣ въ одной комнатѣ находились вѣсы, а въ другой — ванна. Меня заставили раздѣться, свѣсили на вѣсахъ и предложили лѣзть въ ванну. Ванна для меня была, дѣйствительно, необходима, такъ какъ во время двухмѣсячнаго этапнаго путешествія, перебивавъ въ цѣломъ десяткѣ разныхъ провинціальныхъ тюремъ, я ни разу не былъ въ банѣ, и грязи на мнѣ накопилось чуть не на вершокъ. Но при той обстановкѣ, при которой приходилось брать эту ванну, она, разумѣется, не могла доставить мнѣ особеннаго удовольствія.

Всю мою собственную одежду и небольшой запасъ бѣлья, которымъ снабдилъ меня въ Челябинскѣ одинъ мой пріятель, надзиратель взялъ въ тюремный цейхъаузъ, а меня одѣли въ казенное грубое холщевое бѣлье и тюремную одежду, состоявшую изъ толстаго сѣраго сукна, коротенькаго бушлата, такихъ же сѣрыхъ штановъ, портянокъ, котовъ, — нѣчто въ родѣ кожаныхъ мелкихъ калошъ, и круглой сѣраго же сукна шапкѣ.

Послѣ ванны надзиратель повелъ меня куда-то по длинному тюремному коридору, справа и слѣва котораго, на всемъ его протяженіи, расположенныя одна надъ другой и обнесенныя чугунными рѣшетками, тянулись въ четыре яруса ряды запертыхъ одиночныхъ камеръ, расположенныхъ другъ возлѣ друга, точно соты въ ульѣ. Посрединѣ этотъ коридоръ перекрещивался подъ прямымъ угломъ съ

другимъ точно такой же длины коридоромъ, съ такими же ярусами и рѣшетками и съ такими же рядами отдѣльныхъ камеръ.

Тюрьма съ ея просторными, свѣтлыми и чрезвычайно чистыми коридорами, гдѣ не виднѣлось ни одной соринки и все блестѣло, начиная съ воцѣнаго асфальтоваго пола и постоянно очищаемыхъ чугунныхъ лѣстницъ и галлерей, съ внѣшней стороны произвела на меня очень отрадное впечатлѣніе, въ особенности послѣ грязныхъ и мрачныхъ провинціальныхъ тюремъ, въ которыхъ мнѣ привелось бывать.

На перекресткѣ двухъ коридоровъ находилась площадка, съ которой сразу можно было видѣть все, что дѣлается во всѣхъ четырехъ концахъ и во всѣхъ этажахъ, за исключеніемъ пятого, подвального, этой тюрьмы, построенной наподобіе четырехконечнаго креста, отчего арестанты и прозвали ее „Крестомъ“. Собственно тюрьма состоитъ изъ двухъ корпусовъ, сообщающихся между собой, причемъ второй корпусъ имѣетъ точно такое же устройство, какъ и первый, а потому ее называютъ еще иногда множественнымъ числомъ „Крестами“. Надъ площадкой возвышается стеклянный куполь, увѣнчивающій зданіе; внизу же, посреди нея, стоялъ небольшой столбъ — памятникъ Джону Говарду, знаменитому англійскому печальнику объ улучшеніи тяжелой доли заключенныхъ.

Какъ-то странно и дико было видѣть этотъ памятникъ въ тюрьмѣ, гдѣ значительную часть заключенныхъ составляли политическіе, т.-е. люди, боровшіеся за свободу и права человѣка, какимъ былъ и самъ Джонъ Говардъ. Живи онъ въ наше время въ Россіи, русское правительство, навѣрное,

не изображеніе его поставило бы въ эту тюрьму, а его самого упрятало бы въ одну изъ ея камеръ. Говорятъ, что потомъ этотъ памятникъ куда-то исчезъ. Должно-быть, тюремное начальство догадалось-таки, наконецъ, что ему тутъ не мѣсто.

Въ одномъ изъ угловъ, образуемыхъ отъ скрещенія этихъ коридоровъ, наискось отъ памятника, помѣщалась канцелярія начальника тюрьмы, въ которую и ввелъ меня надзиратель.

II.

За большимъ канцелярскимъ столомъ, окруженный своими помощниками, важно засѣдалъ начальникъ тюрьмы, высокій мужчина, съ длинной полусѣдой бородой, съ низкимъ лбомъ и вздернутымъ носомъ, извѣстный арестантамъ своей суровостью полковникъ Сабо. Вся обстановка канцеляріи съ возсѣдающимъ на первомъ планѣ начальникомъ и подобострастно окружающими его помощниками и старшими надзирателями, видимо, была рассчитана на то, чтобы внушить арестантамъ должное почтеніе и уваженіе къ столь высокому мѣсту и чину.

Войдя въ канцелярію, я остановился передъ г. Сабо и по привычкѣ машинально сдѣлалъ вѣжливый поклонъ, но тотчасъ же раскаялся, почувствовавъ, что сдѣлалъ безтактность. Повидимому, вѣжливость здѣсь считалась чѣмъ-то въ родѣ преступной дерзости: на свой поклонъ я не только не получилъ ни малѣйшаго отвѣтнаго кивка, напротивъ, г. Сабо окинулъ меня съ ногъ до головы надменнымъ, суровымъ взглядомъ и, точно наслаждаясь моимъ смущеніемъ и досадой на себя за свою не-

умѣстную вѣжливость, онъ нѣкоторое время молча разсматривалъ меня изъ-подъ своихъ густыхъ нависшихъ бровей своими карими блестящими глазами, какъ котъ разсматриваетъ мышъ, зная, что ей отъ него уже не уйти.

— Ваша фамилія?—спросилъ онъ, наконецъ, прерывая молчаніе.

— Инфантьевъ,—сказалъ я.

— Вы должны знать, что у насъ здѣсь всѣ арестанты работаютъ, и вы также должны избрать себѣ родъ занятій.

— Какими же работами здѣсь можно заниматься?—спросилъ я.

— Всякими. Чѣмъ вы на волѣ занимались?

— Я занимался литературною работою.

— Литературой заниматься здѣсь нельзя: здѣсь не университетъ, а тюрьма. Вы должны избрать какое-нибудь ремесло.

— Тогда я предпочелъ бы заниматься столярнымъ дѣломъ.

— А вы съ нимъ уже знакомы?

— Нѣтъ.

— Столярнымъ дѣломъ у насъ могутъ заниматься только тѣ, кто изучилъ это дѣло на волѣ. А здѣсь для обученія у насъ нѣтъ свободныхъ вакансій. Выбирайте что-либо другое.

Въ концѣ-концовъ оказалось, что и выбирать-то было почти не изъ чего: можно было или клеить коробки для папиросъ, или щипать пеньку, то-есть раздергивать старые канаты на паклю, или обтачивать на станкѣ гнутую вѣнскую мебель, или ткать.

Такъ какъ занятіе тканьемъ, какъ мнѣ казалось, представляетъ больше физическаго упражненія, то я и указалъ на него.

— Прекрасно. Когда изучите ткацкое ремесло, то по выходѣ изъ тюрьмы этимъ занятіемъ вы можете честно зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба,—для чего-то счелъ нужнымъ замѣтить г. Сабо.

Впрочемъ, эта фраза, повидимому, была заучена, и онъ безсознательно повторялъ ее всякому вновь поступающему арестанту.

Послѣ этого душеспасительнаго наставленія онъ приказалъ надзирателю отвести меня въ назначенную мнѣ камеру.

Когда мы вышли изъ канцеляріи и направились вдоль коридора къ лѣстницѣ, ведущей на слѣдующій этажъ, я, какъ не привыкшій еще къ здѣшнимъ порядкамъ, шелъ мимо дорожки, насланной на полу, и мои новые коты гулко шлепали по асфальтовому полу среди молчаливаго коридора.

— Тише ты тамъ погоди-то, чортъ!—закричалъ на меня одинъ изъ вступившихся здѣсь дежурныхъ надзирателей.

Этотъ окрикъ напомнилъ мнѣ, что я теперь уже зачисленъ въ дѣйствительные арестанты этой тюрьмы.

Когда мы поднялись по чугуннымъ лѣстницамъ на четвертую галлерею, мой проводникъ растворилъ имѣвшимся при немъ ключомъ массивную желѣзную дверь у одной изъ свободныхъ камеръ и ввелъ меня въ нее. Камера представляла небольшую комнату и своимъ сводчатымъ потолкомъ напоминала каменный склепъ. Но въ ней было достаточно и свѣта и воздуха. Квадратное, довольно большое для столь маленькаго помѣщенія окно выходило на Неву, и изъ него виднѣлась часть города. У окна стоялъ небольшой квадратный деревянный столикъ съ деревянною же табуреткою. Въ переднемъ углу висѣла небольшая иконка, подъ которою была

устроена двойная полочка. На верхней лежало маленькое Евангеліе, а рядомъ съ нимъ надзиратель положилъ принесенное имъ мое тюремное свидѣтельство, въ которомъ было обозначено мое имя и званіе, а въ графѣ, за какое преступленіе отбываю наказаніе, значилось „государственный“. На перегнутой половинѣ этого свидѣтельства была печатная приходо-расходная графа, въ которую должно было вноситься, сколько ежемѣсячно причитается заключенному за производимую имъ работу и что онъ выписывалъ изъ тюремной лавочки. На нижней полочкѣ стояли: мѣдная, ярко вычищенная миска, прикрытая мѣдной же тарелкой, и на ней небольшая мѣдная солонка, рядомъ съ которой лежала деревянная ложка. Возлѣ миски стояла небольшая мѣдная кружка, служившая одновременно и чайникомъ и стаканомъ для чая. Подъ полочками была придѣлана вѣшалка съ тремя деревянными спицами.

Къ одной изъ стѣнъ была привинчена узенькая желѣзная койка съ соломеннымъ матрацемъ, прижатая къ стѣнѣ и запертая на самозаниравшійся замокъ, ключъ отъ котораго находился всегда у надзирателя, и койка растворялась только на ночь для сна.

Въ углу около двери находился небольшой деревянный столикъ со вставленной въ немъ парашкой — желѣзнымъ ведромъ, прикрывавшимся деревянной крышкой столика, надъ которымъ на особой полочкѣ стояли ярко вычищенные мѣдные кувшинъ для воды и тазъ для умыванья; тутъ же висѣло небольшое холщевое полотенце.

Камера имѣла пять съ половиной шаговъ въ длину и три съ половиною въ ширину, при вы-